

НАУЧНО • ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Серия 1. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДИКА
ИНФОРМАЦИОННОЙ РАБОТЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Издается с 1961 г.

№ 6

Москва 2021

ОБЩИЙ РАЗДЕЛ

УДК 02:001.4:006

Ю.Н. Столяров

О соблюдении языковых норм при создании библиотечной терминологии

С точки зрения разработанности базовой терминологии состояние библиотековедения можно охарактеризовать как неудовлетворительное. Ключевые библиотековедческие термины создаются с нарушениями логических правил классификации понятий. Прежде всего это относится к ключевым терминам «библиотечный», «библиотечно-информационный», «информационно-библиотечный», которые рассматриваются в одних случаях как синонимичные, в других – как соподчинённые. Между тем таковыми они не являются при любом подходе. В настоящей статье излагаются логические правила выделения видов теоретических понятий, и на этом основании анализируются перечисленные исходные термины библиотечного дела. Сделан вывод, что любое сочетание слов «библиотечный» и «информационный» противоречит логическим правилам и нормам словообразования в русском языке. Приводятся аргументы в пользу взвешенного и ограниченного употребления терминов «информационный ресурс», «информационная функция» и содержится призыв строить библиотечную терминологию с учётом действительно точного значения вводимых профессиональных терминов и их значений. Обосновывается назревшая необходимость переработки основного терминологического ГОСТ СИБИД, существующего уже более 20 лет и вошедшего в рассогласование с более

поздними терминологическими стандартами в этой системе, посвящёнными частным вопросам библиотечного дела.

Ключевые слова: ГОСТ СИБИД, библиотековедение, информатика, терминология, информатический, информационный ресурс, информационная функция, библиотечная, информационно-библиотечная (библиотечно-информационная) терминология, библиотечный фонд, справочно-информационный фонд

DOI: 10.36535/0548-0019-2021-06-1

Верный признак удовлетворительного или неудовлетворительного состояния науки – удовлетворительность или неудовлетворительность её терминологии.

*Н.Г. Чернышевский*¹

Не поступай, как те, которые, не умея назвать вещь своим собственным именем, идут по пути околичностей через многие смутные длинноты.

*Леонардо да Винчи*²

ВВЕДЕНИЕ

Точность, строгость и однозначность терминологии – это признаки настоящей науки. Если судить о состоянии библиотековедения по приведённому в эпиграфе суждению Н.Г. Чернышевского, то состояние библиотековедения как науки придётся признать неудовлетворительным. Например, называть библиотеку библиотекой в глазах многих представителей нашей специальности стало немодно. То ли дело – Информационно-библиотечный центр! Или Электронная библиотечная система. Или ещё лучше: Электронно-библиотечная система. Впрочем, «Электронно-библиотечный центр» звучит солиднее. На самый взыскательный вкус получите «Информационно-библиотечный комплекс». Но ни одно из этих названий не имеет правовой силы, поскольку и Закон о библиотечном деле, и главный терминологический стандарт – ГОСТ 7.0-99 *Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения* [1] обходятся без этих терминов. Для кого же, интересно, писаны эти важнейшие правовые акты?

Или возьмём приказ Министерства культуры Российской Федерации от 06.12.2019 № 1905 «Об утверждении правил предоставления и размещения общедоступными библиотеками находящейся в их фондах информационной продукции, содержащей информацию, запрещённую для распространения среди детей в соответствии с частью 2 статьи 5 Федерального закона "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию"». Под продукцией принято понимать множество готовых к реализации продуктов как конкретных предметов, являющихся результатом труда. В библиотеках таким результатом являются документы, это слово и уместно бы было использовать в заглавии и тексте нормативного акта.

Нормальный, всесторонне обоснованный в фондоведческой литературе термин «документ», в свою очередь, исключён из Закона о библиотечном деле, нет его и в пока ещё действующем основополагающем государственном терминологическом стандарте ГОСТ СИБИД 7.0-99. Зато в библиотечно-библиографическом профессиональном сообществе вольготно гуляют «Информационные ресурсы», «Электронные коллекции» и подобные им вычурные и необоснованные, зато супермодные словообороты.

Отсутствие в библиотековедческой и библиографоведческой литературе однозначных терминов определений и понятий приводит к тому, что, во-первых, в многочисленных ведомственных инструкциях, регламентах, подзаконных актах каждый раз представлена собственная терминология, которая вносит путаницу в понимание и исполнение этих официальных документов. Во-вторых, нестандартная терминология изначально лишает её правовой силы. Острее всего воспринимаются сложившуюся ситуацию профессора и преподаватели институтов культуры. То и дело сталкиваясь с некорректной и разномасштабной терминологией, они вынуждены либо лукавить, оправдывая её в глазах обучающихся, либо признавать что-то одно, поясняя, почему игнорируют другие трактовки. И то, и другое равно непедагогично. Засорение нашей отрасли чуждой терминологией приводит к стремлению отказаться от собственной науки, передав её предмет информатике [2].

Об агрессивном вторжении в библиотечную среду чужеродной терминологии мне доводилось писать неоднократно³. И хотя со стороны коллег сколько-

³ Столяров Ю. Н. Агрессивные информатические алогизмы // Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества. Десятая юбилейная международная конференция «Крым 2003»: тр. конф. в 3-х тт. – Москва: ГПНТБ России, 2003. – Т. 2. – С. 773-778; Столяров Ю. Н. Библиотековедение в опасности // Вестник Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2003. – № 4. – С. 124-128; Столяров Ю. Н. Что такое медиатека и как она воюет со школьной библиотекой // Школьная библиотека. – 2006. – № 2. – С. 59-63; Столяров Ю. Н. О корректном переводе профессиональных ан-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. – В 16-ти т. Москва – Ленинград, 1953. – Т. IX. – С. 787.

² Слово о науке: Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты / сост. Е.С. Лихтенштейн. – Москва: Знание, 1986. – Кн. 2. – 288 с.

нибудь серьёзных возражений не последовало, наш профессиональный язык продолжает засоряться некорректными терминами. Придётся обратить на это внимание в очередной раз, исходя из убеждения, что настал самый подходящий момент – переработка основных терминологических государственных стандартов по библиотековедению и библиографоведению.

«Информатический». При всём низкопоклонстве современных отечественных библиотековедов перед тем, что связано с *информатикой*, вместо производного от неё слова «информатический» к месту и не к месту повсеместно оперируют словом «*информационный*», хотя оно приемлемо как производное только от слова «*информация*». Приятное исключение составляют труды А.В. Соколова – автора тринадцати «*Информатических*opusов», опубликованных в 2010–2013 гг. в журнале «Научные и технические библиотеки» [3]. Ссылки на свои труды оставляю без внимания из опасения быть обвинённым в нарочитом самоцитировании.

«Информационная функция». Поначалу, в момент возникновения информатики (не информации!), т. е. в 1960–1970-е гг., в стремлении оградить библиотечное дело от постороннего влияния библиотековеды в лице тогдашних своих главных идеологов (О.С. Чубарьяна, Г.П. Фонотова, К.И. Абрамова, В.В. Серова) активно отвергали всё, что было связано с только что нарождавшейся информатикой. Иная ситуация сложилась к концу 1980-х – началу 1990-х гг. После распада СССР многие прежние научные достижения – как устаревшие, так и вполне прогрессивные – новая генерация библиотековедов стала подвергать ревизии и отторжению. Среди прочего на смену идеологической функции, до той поры считавшейся главной, была выдвинута модная информационная.

Иными словами, новые законодатели библиотековедческой моды вдруг «прозрели» и добровольно предали себя в руки не ожидавших такого подарка информатиков. Например, Н.И. Тюлина заявила, что информационная функция библиотек первична по отношению к другим [4], И.Г. Моргенштерн исходил из того, что информационная функция библиотеки главная [5], В.В. Скворцов посчитал, что информационная концепция в библиотековедении единственно правильной [6]. В 1999 г. произошло качественно важное событие: был принят базовый ГОСТ СИБИД *Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения* [1], который ознамено-

вал добровольный отказ библиотековедения от идентичности и самодостаточности. Все библиотечные и библиографические реалии в нём оказались привязаны к информационным процессам и явлениям, причём заняли в них подчинённое положение. Информационная функция библиотек с тех пор удостаивается не просто статей, но монографии [7]. До этого момента, стремясь всеми силами доказать родство с библиотековедением, информатики признавали, что «информатика зародилась в недрах библиотековедения, из которого она стала выделяться сравнительно недавно» [8, с. 386]. Теперь, напротив, библиотекари и библиографы признаком прогрессивности по собственной охоте стали считать информатику своей мнимой родительницей.

Столь радикальную смену библиотековедческой парадигмы В.В. Скворцов обосновал тем, что произошло «отрицание отрицания: от полного противостояния к интеграции на некоторой новой основе» [6, с. 77]. Новизна, в его интерпретации, состоит в том, что «фундаментальная информатика уже в настоящее время может и должна рассматриваться по отношению к библиотековедению как обобщающая наука, законы, принципы, категории которой библиотековедение всё больше будет использовать для описания информационных процессов, характерных для библиотечного дела» [там же].

На фоне столь раболепного преклонения перед информационной функцией обескураживающе выглядит детализация её содержания. При внимательном рассмотрении оказывается, что по своему воплощению (услуге) она, во-первых, фактически однопорядкова с библиотечной и библиографической, а, во-вторых, имеет по сравнению с ними существенно более скромное наполнение [7].

Главная же некорректность выдвижения информатического феномена на передний план состоит в игнорировании того факта, что *информационную функцию* и всего, что с ней связано, *выполняет документ, а отнюдь не библиотека*. Последняя реализует эту функцию *опосредованно*, т. е. посредством документа. Булочная существует благодаря возможности продавать один из переработанных продуктов сельского хозяйства, но сельскохозяйственную функцию она не выполняет, как не выполняет её и министерство сельского хозяйства: его сущностная функция управленческая, административная (точнее бы сказать, но об этом все давно забыли и сейчас возмутятся: *министративная* от лат. *minister* – служитель, помощник, слуга. Вот кем на самом деле должен быть министр. А функция административная – значит помогающая, прислуживающая. Имеется в виду: прислуживающая тем, кто занят настоящим делом. У нас же и в этом отношении давно всё вывернуто наизнанку). Так и у библиотеки имеется собственная непосредственная сущностная функция, которая является системной по определению, поскольку она синтезирует функции всех составляющих библиотеку подсистем и элементов, а не одного только фонда как собрания документов, т. е. собрания информационных объектов. Этой функцией, как было показано ещё в 1998 г. [9] (и, кстати, вызвало резонанс: статья

глагольных терминов (On correctness of English-language professional terms translation) // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: материалы конф. – Москва : ГПНТБ России, 2014. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); Столяров Ю.Н. Несостоятельность понятия «информационный ресурс» // Научные и технические библиотеки. – 2016. – № 3. – С. 52–56; Столяров Ю.Н. Open Access – свободный (!) доступ // Научные и технические библиотеки. – 2016. – № 12. – С. 63–69; Столяров Ю.Н. ГОСТ на профиль комплектования фондов научных библиотек, его достоинства и недостатки // Библиотековедение. – 2018. – Т. 67, № 5. – С. 580–588; Столяров Ю.Н. Зачем вводить термин «ресурс»? // Библиография и книговедение. – 2019. – № 1. – С. 47–56. и др.

была перепечатана на таджикском и датском языках), является документо-коммуникативная.

Перенесение на всю библиотеку функции одного из её частных подэлементов, а именно документа – объекта (рядового, не главного) одной из четырёх её базовых подсистем, имеющего, как и остальные, иную, нежели информационная, функцию, – глубочайшее заблуждение библиотекведов.

«Информотека». Одним из проявлений информатического восторга библиотекведов стало предложение, относящееся к 1989 г., заменить основной термин «Библиотека» на иной – «Информотека» [10]. Это радикальное предложение, по счастью, было благоразумно отвергнуто [11, 12]. Но ведь если бы к нему отнеслись снисходительно, то население могло бы сейчас иметь дело именно с таким или подобным (логотека, когнитека, идеотека – были и такие предложения) учреждением.

«Информационные услуги». Обычные, самые что ни на есть традиционные библиотечные и библиографические услуги теперь превратились в информационные. И.Г. Юдина и О.Л. Лаврик в статье с суперсовременным заглавием «Информационная функция библиотеки: теория и современная практика» (2008) считают, что существо этой функции проявляется в:

- предоставлении информации о документах через систему справочно-поискового аппарата библиотеки, в том числе электронный каталог [но ведь это классическая библиотечно-библиографическая функция];
- инфопоиске [т. е. на самом деле обыкновенном поиске документов на библиотечных полках];
- выполнении библиографических [!] справок;
- предоставлении электронного справочно-библиографического [!] обслуживания;
- организации выставок [!];
- информировании [кого и о чём, неясно] [13, с. 39].

Думается, что традиционная библиотечно-библиографическая терминология не стоила кардинальной ломки только ради удовлетворения собственного информатического тщеславия, к тому же ложно понятого.

«”Информационно-библиотечный” или “Библиотечно-информационный”?» . Базовый терминологический ГОСТ 7.0–99 укрепил ключевой терминологический элемент «информационный» с его производными: «информационная технология», «информационное обслуживание», «информационный ресурс» и т. п. Собираемым для гнезда терминов стало «Информационное обслуживание», но в кричащем противоречии с правилами терминообразования это выражение стало одновременно и общим, и частным, рядовым (и родовым, и видовым), поскольку дефинируется наряду со справочно-библиографическим, просто библиографическим, библиотечным и внестационарным библиотечным обслуживанием.

О том, как меняется профессиональное сознание в этом отношении, свидетельствуют труды М.Я. Дворкиной – одного из ведущих и наиболее ответственно относящихся к слову библиотекведов современности. До 2000 г. включительно Маргарита Яковлевна обходилась термином «библиотечное обслуживание» [14, 15], хотя и признавала «информационное обслужива-

ние» термином более широким [16, с. 26]. В 2001 г. М.Я. Дворкина подробно раскрыла своё представление о понятии «информационное обслуживание» [17] и его соотношении с понятием «библиотечное обслуживание» как общего с частным. С тех пор Маргарита Яковлевна библиотечное обслуживание воспринимает только в связке с информационным. Следом появился и учебный курс с аналогичным названием [18]. В соответствии с изложенным представлением библиотечные факультеты вдруг превратились в библиотечно-информационные, библиотечкарей-библиографов готовить перестали, нацелившись на область библиотечно-информационной деятельности.

Оправдывая правомерность понятия «библиотечно-информационное обслуживание», М.Я. Дворкина пользуется следующей логикой. Библиотечное обслуживание – *общее* понятие, «это обслуживание, которое осуществляет библиотека», и оно включает в себя, помимо документооборота, библиографическое обслуживание и информационное обслуживание. Следовательно, «библиотечное обслуживание» – понятие *родовое*, а два последних понятия – *видовые*. Поскольку библиографическое и информационное обслуживание предоставляются и в иных, отличных от библиотеки, учреждениях, в последнем случае возникает необходимость его конкретизировать и получается термин «библиотечно-информационное обслуживание» [19, с. 368-369].

Рассмотрим эти рассуждения, следуя логике М. Я. Дворкиной. Необходимость конкретизировать понятие «библиотечное обслуживание» применительно к его видам требует признать термин «библиотечно-библиографическое обслуживание», когда-то бывший у всех на слуху, а теперь исчезнувший из библиотечного лексикона. Требуется найти уточняющее слово и к той части библиотечного обслуживания, которая остаётся за вычетом библиографического и информационного обслуживания (библиотечно-какое?). Пока никаких предложений на этот счёт не поступало.

Если библиографическое и информационное обслуживание предоставляются и в иных, отличных от библиотеки, учреждениях, то логика требует, чтобы обслуживание, реализуемое в библиотеках, именовалось библиотечно-библиографическо-информационным, если только столь громоздкий словооборот приемлем для слуха «новаторов» от библиотекведения.

Кроме того, информационным обслуживанием как видом библиотечного обслуживания, предположим (потом в этом разберёмся отдельно), оправдывается термин «библиотечно-информационное». Но тут ход мысли М.Я. Дворкиной делает неожиданный поворот, и оказывается, что общее, родовое понятие – вовсе не «библиотечное обслуживание», а ... «информационное обслуживание», и библиотечное обслуживание – это «один из видов информационного обслуживания» [19, с. 369] (!). Только что утверждалось, что в библиотеке библиографическое обслуживание рассматривается как вид библиотечного обслуживания. Но по этой логике в библиотеке и информационное обслуживание – вид библиотечного обслуживания. Оказывается, всё наоборот!

Ну коли так, то тогда, казалось бы, надо пользоваться термином «информационно-библиотечное обслуживание». Ан нет: «Следовательно [?], библиотечное обслуживание – один из видов информационного обслуживания. Возможно, поэтому [??] всё чаще употребляется термин “библиотечно-информационное обслуживание”» [19, с. 369]. В следующей фразе этой же статьи видим ещё один поворот: несмотря на разное соотношение рассматриваемых понятий, «в стандарте библиотечное и библиотечно-информационное обслуживание рассматриваются как синонимы». После этого от слов о том, что цель разработки стандарта – «упорядочить терминосистему библиотечно-информационного обслуживания, пересмотреть и уточнить определения терминов, отразить новые термины, связанные с информационно-коммуникационными технологиями» [19, с. 369], веет сюрреализмом. Особую пикантность «упорядоченной терминосистеме» придаёт то обстоятельство, что среди доброго десятка видов библиотечно-информационного обслуживания собственно информационному месту не нашлось!

Другие авторы рассуждают иначе. Так, В.А. Бородина намеренно отказалась дать слово «информационный» в привязке к слову «библиотечный», хотя согласилась с тем, что библиотечно-библиографические услуги и продукты являются информационными [20, с. 8]. Аналогично поступила Ю.П. Мелентьева, автор учебника «Библиотечное [обратим внимание: только «библиотечное», у других авторов оно, с тем же наполнением, вскоре превратится в «библиотечно-информационное»] обслуживание», которая среди пяти концепций библиотечного обслуживания поставила информационную на последнее место [21, с. 15; с. 29-30], но всё же признала правомерность её существования.

В.А. Цветкова полагает, что порядок слов в словосочетании «информационно-библиотечная деятельность» «содержательно не меняет существа дела»; главное, что приемлем симбиоз этих [т. е. родового и видового!] понятий. И это в статье о роли стандартов в терминологическом обеспечении! [22, с. 247]. Автора не смущает, что такой симбиоз вызывает далеко идущие последствия в теории и практике.

КАК СООТНОСЯТСЯ ПОНЯТИЯ «ИНФОРМАЦИОННЫЙ» И «БИБЛИОТЕЧНЫЙ»

На соотношении понятий «информационный» и «библиотечный» придётся остановиться специально, с извинением перед просвещённым читателем за изложение сначала соответствующих азбучных положений науки логики. Сжато и просто они представлены, например, в великолепном школьном учебнике С.Н. Виноградова и А.Ф. Кузьмина «Логика» (1954, восстановлено в 2019), выдержавшем восемь изданий [23]. Глава III этого учебника «Понятие» ценна раскрытием соотношения между содержанием и объёмом понятия, ограничением и обобщением понятия, основными классами понятий и отношениями между ними, разницей между родовыми и видовыми понятиями. Из главы IV «Определение и деление понятия» можно получить представление о сущности определения понятия, правилах и видах определения. Более детальные сведения содержатся в учебниках

для вузов, а также в известном Логическом словаре-справочнике Н.И. Кондакова [24].

Известны понятия общие и единичные [23, с. 27]. Как те, так и другие могут быть собирательными [там же]. Считается грубой ошибкой выстраивать общие понятия по правилам построения единичных понятий. *Общее понятие* – такое, в объём которого может входить более одного предмета. Общие понятия могут быть *исчисляемыми*, или регистрируемыми (если множество предметов, составляющих объём понятия, можно пересчитать) и *неисчисляемыми*, или нерегистрируемыми, – множество предметов объёма которых учёту не поддаётся. Например, «сотрудники Российской государственной библиотеки», «должники городской библиотеки № 1 г. Серпухова» – понятия общие исчисляемые. К общим неисчисляемым можно отнести, например, понятия «обслуживание», «услуга», «информация», «ресурс».

К каким с этой точки зрения терминам относится «Информационный ресурс»? Мне доводилось писать множество раз об относительности этого термина и необходимости применять его в нашей сфере деятельности с большой осторожностью и обдуманностью (см. хотя бы последнюю из таких публикаций [25]), однако, как говорится, воз и ныне там. Из крупных теоретиков к большим поклонникам этого термина относится Т.Ф. Берестова, выстроившая на его основе концепцию [26-30]. В цельном виде Татьяна Фёдоровна изложила её в монографии «Теоретическое информационное ресурсоведение» [29]. Другие авторы просто неправильно перевели этот термин из зарубежных стандартов, где *под ресурсом понимается документ* (но помимо значения «документ» слово «resource» в английском языке означает также: средства, запасы, источники, ресурсы, возможности и даже развлечения, находчивость, изобретательность) и пользуются им, бездумно и беспощадно корёжа русский язык. Опуская свои прежние аргументы и ответы на контраргументы, сосредоточусь в данном случае только на анализе статьи Татьяны Фёдоровны «Понятие “информационный ресурс” имеет право на существование. (Размышления, вызванные статьёй Ю.Н. Столярова «Несостоятельность понятия “информационный ресурс”»» [30].

Т.Ф. Берестова полагает будто «когда общее понятие [имеется в виду “информационный ресурс”] “расклеивается”, т. е. конкретизируется, то оно не исчезает, даже если частные понятия исчерпывают объём общего. Оно используется в тех случаях, когда речь идёт о совокупности однородных явлений, может функционировать и как синоним...» [30, с. 77]. Для большей ясности приводится пример из библиографической терминологии: «Понятие “библиографическое пособие” не умерло по причине конкретизации через понятия “библиографический список”, “библиографический указатель”, “библиографический обзор”» [30, с. 77].

Однако понятие «библиографическое пособие» сохранило живучесть по другой причине. Оно всего лишь изменило свой статус: из общего несобирательного превратилось в общее собирательное и стало рассматриваться как основной вид библиографической продукции. Согласно ГОСТу 7.0-99, библиографиче-

ское пособие есть упорядоченное множество библиографических записей, включающее от одной библиографической записи (библиографический плакат) до нескольких миллионов. Т.Ф. Берестова же хочет «исправить» логику утверждением: «Когда общее понятие конкретизируется, оно не исчезает, а становится одновременно и общим, и единичным». Но на самом деле оно так и остаётся общим, только более определённым, более конкретным.

В рассматриваемом примере Библиографическое пособие, по ГОСТу, разделяется на Библиографический указатель – пособие *значительного* объёма со *сложной* структурой и научно-справочным аппаратом; Библиографический список – пособие с *простой* структурой; Библиографический обзор – пособие, в письменной или устной форме представляющее собой связное повествование. Как видим, никакой синонимии здесь нет и в помине, все термины имеют равное право на существование. Правда, при определении последнего вида пособий имеет место нарушение единства деления классификации (обзор, в отличие от других видов библиографических пособий, выделяется по признаку связности повествования, он может характеризовать как один, так и много первичных документов), но это уже, как говорится, ария из другой оперы.

Вместе с Т.Ф. Берестовой хотелось бы быть оптимистом по отношению к термину «библиографическое пособие». К сожалению, в первой редакции ГОСТ Р СИБИД *Библиографирование. Библиографические ресурсы. Термины и определения* (2020) он почему-то отнесён к *нерекомендуемым*!

Т.Ф. Берестова утверждает, что документный ресурс является информационным по сути, но документным по форме воплощения. Ей «непонятно только, почему надо отказываться от термина, наиболее точно отражающего суть явления и понятия» [30, с. 81]. Разъясняю. Отказаться от этого термина предложено потому, что из целостного объекта (документа) неправомерно вырывать только одну (информационную) составляющую, игнорируя все остальные. Библиотекари и библиографы имеют дело не с информацией в её, так сказать, чистом виде (в чистом виде она существует только в абстракции), а в информации, *всегда* представленной в виде материального носителя с содержащимися в/на нём знаками. Иными словами, они имеют дело не с голой *эфмерной сутью*, а с *реальной вещью*, с материализованной информацией, именуемой документом, – первичным или вторичным. К слову, сама Татьяна Фёдоровна подчёркивает, что фиксирование информации она считает «сущностным признаком документа» [30, с. 81]. Коли так, то она должна согласиться, что *библиотекарь и библиограф имеют дело только с фиксированной информацией, т. е. с документом*. Таким образом, документ никоим образом нельзя трактовать как всего лишь форму воплощения информации. Документ – это сплав содержания и формы, сущности и явления; *документ – это информация во плоти, или воплощённая информация*. Собрание документов образует документный ресурс. Библиотека имеет де-

ло с его частным случаем – библиотечным фондом. Библиограф работает, в частности, с библиографическим документным фондом.

Принимая, далее, идею конвенциональности как свойства *документа*, Т.Ф. Берестова распространяет это свойство и на термин «*информационный ресурс*». В этом состоит ещё одна некорректность её рассуждений. Тот факт, что термин «*информационный ресурс*» действительно привольно гуляет по библиотечно-библиографическим просторам, отнюдь не свидетельствует в пользу его правомерности, – так же, как, например, усиление преступности или коррумпированности в обществе не оправдывают их существование.

Т.Ф. Берестова правильно обращает внимание на то, что фиксированные знаки появились лишь на развитом этапе цивилизации. Это обстоятельство она выдвигает как аргумент в пользу приоритетности информационного ресурса перед документным. Её аргумент усилен прогнозами о нейронете, когда люди смогут общаться без привычного сегодня носителя информации, отчуждённого от человека и существующего автономно от него. Проще сказать, её мысль сводится к следующему: было время, когда документа не было, и не за горами время, когда он с исторической арены сойдёт. А информация и соответственно информационный ресурс были и будут всегда.

В этом утверждении отражается представление, будто информация может существовать отдельно от знакового оформления, отдельно от носителя. Но это заблуждение! Как только информация в мозге человека появляется, она уже имеет материальную основу (серое вещество мозга), она обязательно выражена на некотором языке, т.е. имеет упорядоченную знаковую систему и правила построения (синтаксическую составляющую). Таким образом, она превращается в документ по его международному определению! Это определение, как известно, гласит: «документ – это записанная информация или материальный объект, которая может использоваться в качестве единицы в документационном процессе» [31]. В этом определении документом считается всё что угодно (!) при единственном ограничении: этот объект должен быть признан единицей данного семантического процесса. Всё остальное – форма документа, закреплённость информации, продолжительность, искусственность или естественность его бытования и т. д. – с точки зрения определения несущественно. Это допускает возможность признания устным документом фактографическую справку, обзор книжной выставки и другие мероприятия библиотеки, проводимые в устной форме. Другой вопрос: какие из этих документов и в каком виде следует учитывать, в какой графе библиотечной статистики их отражать и так далее? Важно понять главное: «документ» – понятие намного более богатое по сравнению с понятием «информация», которое вне других составляющих представляет собой чистую абстракцию.

Исходя из международного определения, в работах по документологии показано, что ни на субъект порождения (искусственный или естественный), ни

на носитель (материальную составляющую), ни на знаковую систему (сигнативную составляющую), ни на иные составляющие документа (всего их известно девять) решительно никаких принципиальных ограничений не накладывает. Если передача информации синхронизирована (с течением события, процессом её появления и изменения, трансляции или воспроизведения и т. д.), то имеет место существование синхронного документа в отличие от документа диахронного, в котором знаки отчуждены от исходного источника информации и статично закреплены на носителе (это популярно разъяснение на недоумение Т.Ф. Берестовой «что с чем синхронизируется» [30, с. 82]). У документа есть и другие составляющие, семантивная (информационная) – лишь одна из них, но самая главная.

Высказываемые положения позитивно воспринимаются частью научного сообщества. Например, А.В. Соколов полагает: «Во многих российских вузах существуют кафедры документоведческого профиля, а факультет Ю.Н. Столярова⁴ выполняет в России роль научного лидера в области документологии... С концепцией документологии оказались связаны перспективы интеграции библиотековедения, библиографоведения, книговедения, а также организации библиотечно-библиографического образования» [32, с. 15]. Прямая поддержка высказываемых взглядов с давних пор принадлежит Е.Б. Виноградовой [33].

Украинский документолог В.В. Бездрабко констатирует: «Будучи последовательным проводником идей Ю.Н. Столярова, известный учёный [имеется в виду Н.Н. Кушнарченко] инициировала переименование авторского учебника “Документоведение” в пятом издании в “Документологию”, мотивируя такое решение адекватностью отражения учебного материала в его названии» [34, с. 144]. «Введение на Украине интегрированной образовательной специальности “Информационное, библиотечное и архивное дело” для всех ступеней высшего образования (бакалавр, магистр, доктор философии) предусматривает обязательное формирование у будущих специалистов целостной системы знаний о документе как специфическом цивилизационном феномене и средстве социальной коммуникации, что существенно повышает востребованность, цитируемость учебного пособия Ю.Н. Столярова [“Документология” (2013)] как самого капитального на постсоветском пространстве источника документологического знания», – свидетельствуют Н.Н. Кушнарченко и А.А. Соляник [35, с. 47], подкрепляя практику теоретическим обоснованием [36, 37]. Эту концепцию воспринял М.С. Слободяник в формуле: «От комплекса наук о документе – до комплексной прикладной науки документоведения, а от неё – к фундаментальной науке документологии» [38, с. 5].

Разделяют позиции документологии и представители смежных дисциплин. Вот одно из последних высказываний этого рода: «... можно ли представить себе информацию *в отрыве* от документа? Более то-

го, можно ли подвергать социальную информацию количественной оценке в недокументальной форме, не через документ? Ответы – на первый взгляд – могут быть только отрицательными. Тем более что «в чистом виде» информация и не существует, поскольку она представляет собой *сущность*, которая обнаруживается в *явлении*; следовательно, информация и является – всегда и неизбежно – в виде документа». Мы благодарны проф. Ю.Н. Столярову за это разъяснение. Примечательна также его формулировка, приведённая в его труде «Сущность информации» и касающаяся формулировки понятия «документ» как единства информации и её материального носителя: «То, что информация зафиксирована на материальном носителе, может рассматриваться как излишнее для дефиниции уточнение, ибо на чём же, кроме материального носителя могут быть зафиксированы какие бы то ни было сведения; – так, сведения, высказанные устно, зафиксированы воздушно-колебательной средой, то есть материально» [39, с. 151]. В другой работе этот же автор В.С. Лазарев пишет: «Ю.Н. Столяров завершает свою статью повторением неоднократно высказывавшейся им мысли: «Давайте признаем, что абстрактная дефиниция (документ – это объект, способный быть единицей семантического процесса), будучи применяема в той или иной социальной системе, каждый раз требует конкретизации в соответствии с профилем и спецификой этой системы. Поскольку существует бесчисленное множество сфер общественного бытия, постольку правомерно и даже неизбежно наличие бесконечного количества конкретных определений документа, уточняющих его общее единое определение» [следует сноска]. Эта мысль в том же году повторяется в его статье, посвящённой творческому вкладу в документологию Г.Н. Швецово-Водки [следует сноска]; а в 2010 году этой мысли и вовсе была посвящена целая статья [следует сноска]. И мысль эта того стоит. Её также следует иметь в виду при рассмотрении объектов библиометрии, наукометрии и информетрии» [40, с. 124].

Документист/документолог воспринимает документ как целостность, как единство всех его составляющих, тогда как информатика интересуется только смыслом сообщения, от остального он за ненадобностью (ему) отстраняется. Библиотекарь-библиограф этого себе позволить не может: он тратит деньги и время на приобретение не абстрактной информации, а предмета, вещи – документа, обрабатывает не информацию, а документ, на полку ставит и читателю выдаёт его же. Библиограф описывает и разыскивает по многим содержательным и формальным признакам тоже документ, и убеждать его, что он имеет дело с ресурсом всего лишь информационным, значит сознательно вводить его в профессиональное заблуждение. Вот поэтому вопрос о том, с каким ресурсом он имеет дело – полноценным документным или усечённым информационным, – приобретает принципиальный характер.

Таким образом, основные информатические понятия типа «информационная система» требуются скорректировать, положив в основу понятие «документ». Например, «информационная система» в ГОСТ 7.09-99 трактуется как «система, предназначенная для хране-

⁴ В этом контексте выражение «факультет Ю.Н. Столярова» – фигура цветистой речи А.В. Соколова.

ния, обработки, поиска, распространения, передачи и предоставления информации». Опустим то обстоятельство, что процитированные слова – это вообще не определение, поскольку от определения требуется вписать определяемое в более общее, родовое понятие и показать его отличительные сущностные признаки, а здесь вместо этого дано указание на целевое назначение системы. Заметим другое: на самом деле хранят, обрабатывают (а не перерабатывают!), ищут, распространяют, передают и предоставляют информацию в виде знаков, зафиксированных на материальном носителе, упорядоченных по определённой системе, выраженных на некотором языке, т. е. в виде документов. Исключений из этого нет и быть не может. И, следовательно, речь надо вести о системе документальной, или документивной, – над выбором наиболее адекватного предиката ещё предстоит поработать.

Термин из ГОСТ 7.0-99 «3.1.27 документная информация» (информация, содержащаяся в документах) лишён смысла: во-первых, понятие информации имплицитно заложено в слове «документ»; во-вторых, вне документа информация реально не существует.

Международные определения признают статус документа за любым объектом – при единственном условии, или ограничении: его способности быть вписанным в качестве дискретного элемента в некую семантическую систему, служить доказательством при подтверждении правовых обязательств или деловой деятельности. *Документом такой объект является только в этой системе и только в этом отношении*. Если эти качества проявляются при межличностном общении, то мы имеем дело с устным документом [41], – только и всего. А значит, в нейросреде нет принципиальных ограничений на существование биотехнодокумента. Поэтому на поставленный Т.Ф. Берестовой вопрос: «Каким будет ресурс, функционирующий в нейронете: документным или недокументным?» принципиальный ответ однозначен: конечно, документным.

Другой вопрос, насколько практически будет востребовано такое понимание документа в этой среде? Чтобы в каждом конкретном случае довести объём документа до требуемой величины, надо договариваться о дополнительных ограничениях. Потому-то в документологии и придаётся столь большое значение не только относительности и условности, но и конвенциональности документа.

Согласившись с тем, что существующие определения информационного ресурса должны быть отвергнуты, Т.Ф. Берестова предложила собственное определение: «Информационный ресурс – это целенаправленно созданная информация, реализующая инструментальную функцию через её использование в качестве средства определённого вида деятельности, обладает потребительской ценностью, может выступать в качестве товара на информационном рынке» [30, с. 83-84].

Рассмотрим это определение с точки зрения правил дефинирования. Родовым у Т.Ф. Берестовой выступает понятие «информация», а видовым – «целе-

направленно созданная». Должно же быть иначе: выражение «информационный ресурс» предполагает, что мы имеем дело с одним из многих видов ресурса (а не информации), который отличается от других видов ресурса: природного, административного, кадрового, финансового, материально-технического и т. п.

Нарушив первое правило дефинирования, автор продолжает эту линию дальше. Все остальные слова, следующие за словом «информация», без нужды засоряют дефиницию, так как к определению *сущности* названного вида информации отношения не имеют. Например, то, *в каком качестве* информационный ресурс может выступать на информационном рынке, относится к *особенностям* его бытования во внешней среде, а не к сущности. Да и вопрос о *целенаправленности* создания тоже относится не к сущности, а к намерению производителя ресурса. Итак, единственный отличительный признак информационного ресурса, по Т.Ф. Берестовой, состоит в том, что создатель руководствуется *целью* продать его. Что, однако, произойдёт, если он создаст информационный ресурс с целью продажи на рынке, но, положим, в последний момент захочет его подарить, сохранить для себя, передать, обменять? По данному Т.Ф. Берестовой определению, в это мгновение информационным ресурсом он быть перестает!

Выше отмечалось: в зависимости от того, что представляют собой элементы объёма понятия (каждый элемент – отдельно существующий предмет или множество предметов), различают понятия *собираательные* и *несобираательные*. *Собираательное* – такое понятие, в котором мыслится множество предметов, составляющих единое целое («контингент читателей», «библиотечный персонал», «библиотечная услуга»). Объём собираательного понятия составляют множества предметов, например, множество читателей, множество сотрудников библиотеки, множество библиотечных услуг. «Особенность собираательных понятий заключается в том, – говорится в учебнике логики, – что их нельзя приложить к отдельным предметам, совокупность которых мыслится в данном собираательном понятии. Нельзя, например, отнести понятие “лес” к отдельному дереву» [23, с. 28]. Выражение «документный ресурс» – понятие собираательное, так как подразумевает полное множество всех, любых документных ресурсов.

Содержание собираательного неразделительного понятия составляют существенные признаки, относящиеся ко всей совокупности элементов, но не к каждому элементу. Поэтому для них существуют собственные наименования, которые запрещается распространять на члены множества. Например, собираательное общее понятие «лес» представляет собой множество, каждым элементом которого является «дерево».

Углубляясь в представление о собираательных понятиях, надо иметь в виду, что их «можно приложить или к совокупности предметов как единому целому, или к ряду таких совокупностей. В первом случае будет единичное собираательное понятие, во втором случае – общее собираательное понятие» [23, с. 28].

Так, «лес» – общее собирательное понятие, а «дерево» – единичное собирательное понятие. Понятие «дерево» предполагает наличие множества элементов, каждый из которых опять же имеет собственное наименование: «ель», «ольха», «сосна», «дуб», «осина» и т. д.

Для нашего случая особенно важно понимать, что наименование собирательного понятия нельзя распространять на элементы множества. Повторюсь: собирательным словом для ели, осины, ольхи и берёзы будет «дерево», собирательным для множества деревьев – «лес» или «бор» (если все деревья хвойные). Было бы грубой ошибкой выстраивать ряд «сосна, вяз, лес, рябина, дерево, черёмуха». Кроме того, недопустимы, нелепы выражения типа «древолипа», «бороель», «лесодуб», «древолес». А в нашей сфере выражения такого рода стали обыденными. Если согласиться с тем, что «информационный» – хоть общее собирательное, хоть единичное собирательное понятие для всего, что им обозначается, то тогда категорически недопустимы выражения типа «информационно-библиотечный» или «библиотечно-информационный». Оба эти выражения сродни таким очевидно некорректным, как «биочеловек» (хотя человек – действительно биологический объект), «зооСкворцов» (хотя библиотеквед В.В. Скворцов действительно относился к живым существам). У нас такие «пиджакорукава» и «рукавопиджаки» третье десятилетие вольготно гуляют по пространству СИБИБД и библиотековедения (библиографоведения) в целом, а также информатики, где впервые появилось сочетание «справочно-информационный» (фонд), будто справка и информация могут существовать раздельно, поэтому их требуется соединить.

В последние годы «информационный» и «библиотечный» как-то незаметно поменялись местами и теперь дискутируются вопросы вроде того, какой термин более верный: «информационно-библиотечный» или «библиотечно-информационный» (как если бы в лесоводстве обсуждалось, что предпочтительнее: «лесодуб» или «дуболес», «вязодрев» или «древовяз»). Если в ГОСТ 7.0-99 слово «информационный» поставлено на первое место (информационно-библиотечная деятельность), то в стандартах 2018 и 2019 гг. – на второе (библиотечно-информационное обслуживание, библиотечно-информационные услуги). В 2019 г. в Московском государственном институте культуры появилась кафедра «библиотечно-информационных наук» – без понятия о номенклатуре таких наук. Журнал «Библиотековедение» вплоть до 2020 г. прямо на обложке представлял своё наименование для международной общестественности как «Library and Information Science» (позднее он стал позиционироваться точнее: «Russian Journal of Library Science»). Между тем союз «и» соединяет разные, хотя и однородные, однопорядковые предметы (сосна и ель, книги и журналы, голуби и воробьи), которые при таком соединении сохраняют свою автономность. Например, книга Е.И. Бобровой называется «Менеджмент качества библиотечного и информационного обслуживания в библиотеке вуза» [42]. Как видим, библиотечное обслуживание здесь чётко отделяется от информационного. Существование фе-

номена «библиотечно-информационное обслуживание» вызывает вопрос: то ли в библиотечном обслуживании отсутствует информационная составляющая, то ли информационное обслуживание возможно без библиотек – но тогда зачем нужно объединять эти самостоятельные виды обслуживания союзом «и»?

Образование конструкций типа «информационно-библиотечный» обосновывают аналогией на существование сочетаний, объединяющих науку с чем-либо ещё: научно-исследовательский, научно-популярный. Разберёмся и с этим с точки зрения логики образования терминов. Напомним, что наименование собирательного общего термина нельзя распространять на его составляющие. Поэтому некорректны выражения типа «научно-диссертационный» или «научно-монографический»: и диссертация, и монография по определению являются разновидностями научных произведений, и дополнительные указания на это чрезмерны, избыточны.

Иное дело, когда понятие «научный» сочетается с другими понятиями, имеющими собственное содержание. Наделение чего-либо научного свойствами этих иных объектов вызывает необходимость детализации: научная конференция в отличие от научно-практической; научный журнал в отличие от научно-популярного или научно-информационного и т. д. Необходимость уточнять, что конференция только научно-исследовательская или научно-теоретическая, отпадает по определению, поскольку наука – это и есть область теоретической, или исследовательской, деятельности. Библиотеки системы Российской академии наук выполняют научно-вспомогательную функцию, и точнее в этом случае выразиться затруднительно. Собственно саму научную функцию выполняют читатели этих библиотек, а собственно вспомогательную функцию несут гардеробщицы и уборщицы. Выражение «научно-техническая информация» правомерно, потому что каждая его составная часть имеет содержание, выходящее за рамки либо науки, либо техники.

Теперь берём совсем близкий нам в данном случае смысловой ряд, образуемый словом «информационный» и производными от него. Информационно-туристический центр туров не организует, его задача – предоставлять информацию о местных достопримечательностях, исторических ценностях региона, мероприятиях, экскурсионных маршрутах и т. п. Система может быть информационно-поисковой, если она решает задачу непосредственного предоставления нужной информации (её принято именовать фактографической или идеографической, концептографической), но она может быть и документо-поисковой, если способна предоставлять сведения о пертинентных, релевантных документах и/или их местонахождении.

Можно согласиться с М.Я. Дворкиной: в библиотечных явлениях и процессах информационный компонент присутствует. Но он в равной мере присутствует во всех других явлениях и процессах. И если его следует непременно приставлять к библиотечным феноменам, то ради унификации надо «усовершенствовать» и другие области, превратив их в музейно-информационную, архивно-информационную, бан-

ковско-информационную, образовательно-информационную, автобусно-информационную и т. д. Если в других сферах этого не происходит, то стоит задуматься и нам о причинах и следствиях небрежного отношения к сложившейся веками терминологии.

Сторонники двухэтажных конструкций типа «библиотечно-информационный» или «информационно-библиотечный» оправдывают их правомерность ссылкой на определение библиотеки в Законе о библиотечном деле, где она характеризуется как *информационная*, культурная, просветительская организация или структурное подразделение организации. Но по этой логике наравне с «информационно-библиотечным» должны признаваться выражения «культурно-библиотечный» и «просветительско-библиотечный». Однако их некорректность видна, что называется, невооружённым глазом. Но ровно настолько же некорректно и выражение «информационно-библиотечный».

Против неправомерности выражения «библиотечно-информационная деятельность» больше десяти лет тому назад энергично выступал Э.Р. Сукиасян [43] и, как ему показалось, встретил понимание коллег. Однако обещания исправить термин тут же были забыты, и когда терпение кончилось, он в продолжение темы написал ещё одну статью [44], где подчёркивал, что дефис кардинально меняет смысл словосочетания, у наших зарубежных коллег он вызывает недоумение. Кроме того, библиотечной и информационной у наших американских коллег называется наука (Library and Information Science), а у нас – деятельность, т. е. практика. Тем не менее, несмотря на бесспорную правоту, торжества справедливости Э. Р. Сукиасян так и не дождался: за все эти годы никто не озаботился исправлением нашей терминологии, и некорректная «библиотечно-информационная деятельность», а следом и «библиотечно-информационная наука» прочно укоренились в библиотечном языке.

Выражение «библиотечно-информационный» («информационно-библиотечный») может быть оправдано в том и только в том случае (но всё равно будет страдать значительной долей натяжки), когда за каждой частью этого термина закреплено собственное содержание. Характерный пример этого рода – Библиотечно-информационный фонд Российской Федерации. Согласно Положению о нём, он представляет собой совокупность разнородных документных собраний – «книжных палат, библиотек, органов научно-технической информации» [45]. Здесь ясно, что речь идёт о симбиозе разных документных фондов, ведущие из которых библиотечные, а все остальные – условно названы информационными.

Против близкого к рассмотренным выше термина «справочно-информационный фонд» мне доводилось выступать ещё в 1986 г. [46], и я был поддержан специалистами [47]. Теперь этот термин из библиотечного ведения, к счастью, выпал, да и в информатической литературе встречается нечасто. Он опущен даже в энциклопедическом словаре Р.С. Гиляревского [48].

В нашей сфере бытует ещё одно некорректное сочетание сродни рассматриваемым: «электронно-библиотечный». Этот термин проник даже в название государственного стандарта: ГОСТ Р 57723-2017

«Системы электронно-библиотечные. Общие положения». По этой логике должны быть и системы электронно-информационные, электронно-архивные и электронно-какие-угодно-ещё. Пока что, как всегда, «повезло» только «электронно-библиотечным».

ПРИЧИНЫ НЕКОРРЕКТНОСТИ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ

Призывы сделать библиотечную терминологию корректной звучат уже четверть века. Почему библиотекари и библиотекведы глухи к этим призывам, от кого зависит исправление ситуации? Думается, что тому есть несколько причин.

Первая и главная состоит в свойственной многим представителям нашего сообщества недооценке теоретической, а тем самым и практической значимости терминологии. Призывы к исправлению ситуации воспринимаются ими как занятие праздного ума. В лучшем случае как не подкреплённое официально и, следовательно, не заслуживающее внимания частное мнение того или иного отдельного автора. Многие легковесно рассуждают: да назови хоть горшком, только в печку не ставь. Но ведь это невозможно: горшок для того и создан, чтобы жариться в печи. Крупный лингвист В. Г. Адмони (1909-1993) замечал, что хотя термины – вещь условная, они подспудно оказывают влияние на сознание и при неверном терминовании уводят науку и практику с правильного пути. А Л. Н. Толстой мечтал: «Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значения которого он не может объяснить, лишается права писать и получает 100 ударов розог» [49]. При таком подходе выпоротым оказалось бы практически всё наше библиотечное сообщество. Если к своей терминологии – а значит и к своей науке, и ко всей профессии – относиться неряшливо, неуважительно, как можно ожидать уважительного отношения к ней со стороны внешней среды.

Вторая причина видится в некритичности мышления многих членов библиотечного цеха. Доверие законопослушного библиотекаря к официальным документам давно, ещё с советских времён, воспитало бездумное следование любым утверждённым документам. Но мало кто даёт себе труд сопоставить терминологию Закона о библиотечном деле (1994), в котором нет решительно ничего ни «информационно-библиотечного», ни «библиотечно-информационного», и государственного (!) Стандарта 7.0-99 об основных терминах и определениях, несмотря на то, что первый имеет характер обязательный, а второй – рекомендательный и вообще противозаконный!

Третья причина проистекает из чувства собственной неполноценности. Нечто просто библиотечное, просто библиографическое воспринимается как архаичное, отжившее, тогда как в привязке к информационному (вскоре, полагаю, библиотекари-библиографы постараются прилепиться к «цифровому») библиотекарь ощущает себя на гребне мирового прогресса. В простоте своего самосознания он закрывает глаза на то, что сама информатика к родству с библиотечковедением и библиографоведением относится глубоко безразлично – загляните в любой информа-

тический словарь, информатический журнал, информатическую монографию: много ли там хоть «информационно-библиотечного», хоть «библиотечно-информационного»? Да оно там просто отсутствует!

ВЫХОД ИЗ СИТУАЦИИ

Из изложенного вывод напрашивается сам собой: библиотековедам (библиографоведам) пора отказаться от чуждой, заимствованной терминологии, на новом витке спирали вернувшись к своей, библиотечно-библиографической. Но ведь это невозможно, воскликнет не на шутку взволнованный терминолог! Вся современная библиотечная терминология в течение последних двадцати лет насквозь пропитана всевозможными информатическими соками, и мыслимо ли отказаться от самого вкусного, что есть в нашем современном терминологическом пироге!

Отвечаю: откройте для начала самый что ни есть современный словарь-справочник «Библиотечный фонд» [50], содержащий дефиниции 665 терминов (согласитесь, цифра впечатляет). Каких только терминов там нет – до «Имидаси-индекса», «Импакт-фактора», «Ридера», «Торгов» и «Радиочастотной идентификации документов (RFID)» включительно. При всём том терминов с предикатом «информационный» в нём всего 8! Да и те с фондоведением отчасти смежные («информационная система», «информация», «Информрегистр» и т. п.), поскольку фондист имеет с ними дело в повседневной практике. Кто-нибудь заметил такую «скудость» фондоведческой терминологии? Кто-нибудь упрекнул их за отсталость? Вместе с тем из архивной терминологии фондоведам пришлось позаимствовать (переработав под своим углом зрения) терминов в полтора раза больше, и попробуйте отказаться в фондоведческом профиле таким из них, как, например, «архивный библиотечный экземпляр», «архивный документ библиотечного хранения», «архивация файлов», «архивный библиотечный фонд». Фондоведческих терминов, начинающихся со слова «электронный», зафиксировано (при самом строгом отборе) 16 – вдвое больше, чем слов с информатическим содержанием.

При этом составители фондоведческого словаря-справочника включили и модные, но полуграмотные термины, чётко оговорив своё к ним отношение. Например: «Удалённые сетевые ресурсы – некорректный термин, означающий ресурсы Интернета, размещённые на серверах, не принадлежащих библиотеке и не контролируемых ею. Достаточно пользоваться терминами “Сетевые ресурсы”, “Внешние ресурсы”, “Дистанционные ресурсы”». Потому что в русском языке главное значение слова «удалённый» – исключённый, отвергнутый, изгнанный, отброшенный. Да и в любимом нашими библиотековедами английском языке слово «удалённый» передаётся как «delete» и выразиться «Deletenetwork resources» означало бы продемонстрировать свою полную некомпетентность в вопросе. Только «Remotenetwork resources»! Но в русском языке, авось, сойдёт и полуграмотность. Таким образом, в фондоведении порядок с терминологией более или менее существует. По такому же пути

пора пойти и другим разделам библиотековедения, – как частным, так и общему.

Нет, всё-таки отказ от информатической терминологии в библиотековедении невозможен, – продолжает отстаивать свои взгляды «продвинутый» терминолог. Она вошла даже в Федеральный закон о библиотечном деле⁵, где в первом же понятии библиотека названа как информационная (в том числе) организация. И как же там теперь определять библиотеку?!

Ответ на этот вопрос был дан давно, ещё в статье «Дума о библиотечном законе» [51, 52]. Исходя из правоприменительного назначения Закона и на основе анализа законов по другим «делам» (архивному, музейному, почтовому и т. д.) был сделан вывод, что определение объекта по выполняемым им функциям некорректно вообще, а для такого документа, как закон, ещё и бессмысленно. Архив, например, определён в Законе об архивном деле⁶ как учреждение или структурное подразделение организации, осуществляющее хранение, комплектование, учёт и использование архивных документов; музей – в Законе о музее⁷ – как «некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, включённых в состав Музейного фонда Российской Федерации, а также для достижения иных целей». Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»⁸ вообще обошёл без понятий «школа», «колледж», «институт», «университет» и им подобным (какой кошмар!), а Федеральный закон «О почтовой связи»⁹ – без определения понятия «почта». Иными словами, у наших смежников в законах всё выглядит просто, без затей, зато предельно понятно судьям, для которых эти законы писаны. Только велемудрые библиотековеды накрутили в основной дефиниции столько, что, подобно тульскому Левше, им пришлось славить назад: отказываться от первоначального определения библиотеки как образовательного учреждения. Да и от библиотеки как учреждения.

Научное определение библиотеки требуется иметь в энциклопедиях, монографиях, словарях, стандартах и учебниках, причём внешне (не по сути!) оно может радикально отличаться от *правового* определения. В Большой российской энциклопедии библиотека, например, определена как «упорядоченное множе-

⁵ Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ "О библиотечном деле" (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/103585/>.

⁶ Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ "Об архивном деле в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/12137300/>.

⁷ Федеральный закон "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации" от 26.05.1996 № 54-ФЗ (последняя редакция). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/

⁸ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/77706811/>

⁹ Федеральный закон "О почтовой связи" от 17.07.1999 № 176-ФЗ (последняя редакция). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6719/.

ство документов, принадлежащее обществу в целом, его части или отдельному члену, обеспеченное материально-технически, формируемое, хранимое и предоставляемое пользователям – физическим и юридическим лицам – с целью удовлетворения их информационных потребностей» [53].

ПУТИ ИСПРАВЛЕНИЯ СИТУАЦИИ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При желании можно воспользоваться несколькими путями исправления ситуации. Обозначим их.

Первый шаг. Пора переработать основной ГОСТ СИБИД 7.0-99 *Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения*, насчитывающий уже более 20 лет своего существования, но с самого начала расходящийся с нормами Закона о библиотечном деле, а также с более поздними государственными терминологическими стандартами в этой системе, посвящёнными как частным вопросам библиотечного дела, так и стандартам по собственно информатической терминологии. Отталкиваться предлагаю от ГОСТ 7.26-80 *Библиотечное дело. Основные термины и определения* и ГОСТ 7.0-84 *Библиографическая деятельность. Основные термины и определения*. Их надо взять за основу, обновив с учётом появившихся новых реалий и тенденций развития библиотечного дела и библиографии.

Второй шаг. После того, как будет создан и принят адекватный терминологический стандарт, его разработчики, а также все должностные лица организаций-разработчиков посчитают, несмотря на его рекомендательный характер, долгом профессиональной чести в своей повседневной деятельности, устных выступлениях на многочисленных профессиональных форумах, статьях в прессе, непериодических изданиях пользоваться только стандартизированной терминологией. Читателям на первых порах следует терпеливо разъяснять отказ от ставших привычными, но некорректных терминов.

Издателям библиотечной литературы, а это прежде всего структурные подразделения организаций – разработчиков терминологического ГОСТа 7.0-99, надо будет перейти на уточнённую стандартную терминологию. Этим они подадут пример всем остальным издательствам и редакциям. Повсеместный переход на скорректированную терминологию даст результаты очень быстро и будет нормой для всей страны.

Третий шаг. К стандартизированной терминологии весьма чутко относится профессорско-преподавательский состав. Как только студентов начнут обучать на грамотной профессиональной основе, через четыре года (а магистров – ещё раньше) мы будем исправно получать всё новые и новые отряды бакалавров, которые будут с недоумением воспринимать «библиотечно-информационные» нагромождения.

Так что относительно несложные и в сущности ничего не стоящие возможности к скорейшему исправлению терминологической ситуации существуют, надо только иметь желание и усердие, чтобы ими воспользоваться.

Итак, в библиотековедении наблюдается засилье терминов, называемых в терминоведении дезориентирующими, т. е. уводящими от раскрытия существа определяемого понятия. Недооценка значения фундаментальной теории приводит к плачевным практическим последствиям. Недавний прискорбный пример – исключение специальности 05.25.03 *Библиотековедение, библиографоведение и книговедение* из государственной Номенклатуры специальностей научных работников, что произошло в значительной степени из-за того, что эти дисциплины пренебрегают установлением своего места в системе наук и оказались неспособны предъявить научной общественности и лицам, принимающим решения, их строго научное обоснование. Практические следствия такого исключения скажутся в отказе от выдачи научных государственных заданий, закрытии аспирантур и диссертационных советов, снятии с ведущих теоретических журналов статуса включённых в Перечень журналов Высшей аттестационной комиссии, публикации в которых признаются имеющими высокую научную значимость.

Тяжко мне в очередной раз выступать в роли Кассандры, предвещавшей гибель античной Трои (я многожды в течение сорока лет выступал в печати с призывом серьёзно заняться обоснованием нашего места в государственной Номенклатуре научных специальностей), но приходится это делать. Ведь если библиотековедение снова наступит на те же грабли, т. е. в готовящемся терминологическом Государственном стандарте откажется от самоидентификации и опять самозванно попытается в любом качестве присоединиться к информатике, которой оно не нужно, то практические последствия для всей отрасли рискуют быть окончательно катастрофическими. На практике государство видит библиотеки в системе научно-технической информации номинально [54], включив в эту систему лишь несколько крупнейших библиотек страны и немногочисленные оставшиеся от советских времён научно-технические.

Уверен, что при выполнении предложенных несложных мер библиотечное сообщество исправится очень быстро – буквально в течение нескольких лет. Ведь у нас привыкли действовать с оглядкой «на Москву, на Центр», точнее – на формальных лидеров библиотечной мысли. Ф. Бэкон сказал: «Невежды презируют науку, необразованные люди восхищаются ею, тогда как мудрецы пользуются ею»¹⁰. Будем же мудрецами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГОСТ 7.0-99 СИБИД. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-7-0-99>.
2. Плешкевич Е. А. От электронного библиотековедения к библиотечной информатике // Уч. зап. / Алтайская гос. акад. культуры и искусств. – 2020. – № 1. – С. 78-84.

¹⁰ См. сноску 2 к эпиграфу настоящей статьи

3. Соколов А.В. Информатические опусы. Опус 1. Блуждая в дебрях информатизации // Научные и технические библиотеки. – 2010. – № 8. – С. 5-26. Последний, 13-й, опус см. там же. – 2013. – № 6. – С. 5-23.
4. Тюлина Н.И. Информационная функция библиотеки // Библиотековедение. – 1993. – № 1. – С. 3 – 11.
5. Моргенштерн И.Г. Информационное общество : учеб. пособие. – Челябинск, 1996. – 75 с.
6. Скворцов В.В. Теоретические основы библиотекведения // Н.С. Карташов, В.В. Скворцов. Общее библиотекведение : учебник в 2-х ч. – Ч. 1. – Москва : Изд. Моск. гос. ун-та культуры, 1996. – С. 28.
7. Юдина И.Г., Лаврик О.Л. Информационная функция библиотеки в теории и практике библиотечного дела / Сиб. отд-ние РАН, Гос. публ. науч.-техн. б-ка ; науч. ред. Б.С. Елепов. – Новосибирск, 2010. – 227 с.
8. Арский Ю.М. Инфосфера / Ю.М. Арский, Р.С. Гиляревский, А.И. Чёрный. – Москва, 1996. – 489 с.
9. Столяров Ю.Н. У нашей науки есть особые функции // Библиотека. – 1998. – № 10. – С. 40-42; То же // Анис фасломаи илмй ва фархангй (Душанбе). – 1999. – № 2. – С. 7-15; То же / *пер. на дат. яз.*: *Vor videnskab bar sine saerligefunktionez / Oversat fra russisk af Erik Adrian* // Biblioteksarbejde. – 1999. – № 56. – August. – P. 37-42.
10. Грачёв В.И., Рудич Л.И. Библиотека в системе социально-коммуникативной деятельности и проблема подготовки специалистов нового профиля // Науч. и техн. б-ки. – 1989. – № 6. – С. 3-6.
11. Черняк А.Я. По поводу «информотеки», «социолога» и некоторых других вещей // Науч. и техн. б-ки СССР. – 1989. – № 6. – С. 6-9.
12. Столяров Ю.Н. Назвался груздём – полезай в кузов, или Комментарий к дискуссии об информотеке // Науч. и техн. б-ки СССР. – 1991. – № 4. – С. 28-32.
13. Юдина И.Г., Лаврик О.Л. Информационная функция библиотеки: теория и современная практика // Библиосфера. – 2008. – № 4. – С. 37-42. – С. 39.
14. Дворкина М.Я. Библиотечное обслуживание как система : учеб. пособие. – Москва : Изд. МГИК, 1992. – 146 с.
15. Дворкина М.Я. Библиотечное обслуживание: новая реальность : лекции / Моск. гос. ин-т культуры и искусств. – Москва : МГУКИ ; ИПО «Профиздат», 2000. – 46 с.
16. Дворкина М.Я. Библиотечное обслуживание: теоретический аспект: (монография) / Моск. гос. ин-т культуры и искусств. – Москва : МГУКИ, 1993. – 249 с.
17. Дворкина М.Я. Информационное обслуживание: социокультурный подход: (монография) / Моск. гос. ин-т культуры и искусств. – Москва : ИПО Профиздат, 2001. – 111 с.
18. Брежнева В.В. Информационное обслуживание : учеб. пособие. – Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2002. – 48 с.
19. Дворкина М.Я. Разработка национального стандарта «Библиотечно-информационное обслуживание»: проблемы и решения // Библиотекведение. – 2018. – Т. 67. – № 4. – С. 367-373.
20. Бородина В.А. Библиотечное обслуживание : учеб.-метод. пособие. – Москва : Либерия, 2004. – 166 с.
21. Мелентьева Ю.П. Библиотечное обслуживание : учебник. – Москва : ФАИР, 2006. – 252 с.
22. Цветкова В.А. Терминологическое обеспечение библиотечно-информационной деятельности: роль стандартов // Румянцевские чтения : Междунар. научно-практ. конф. (23-24 апреля 2019) / Рос. гос. б-ка. – Москва, 2019. – С. 246-249.
23. Виноградов С.Н., Кузьмин А.Ф. Логика : учебник для средней школы. – Изд. 8-е. – Москва : Концептуал, 2019. – 174 с. : ил. издание, восстановленное с оригинала 1954 г.
24. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – 2-е изд., испр. и доп. / Акад. наук СССР ; Ин-т философии. – Москва : Наука, 1975. – 719 с.
25. Столяров Ю.Н. Несостоятельность понятия «информационный ресурс» // Научные и технические библиотеки. – 2016. – № 3. – С. 52-56; Зачем вводить термин «ресурс»? // Библиография и книговедение. – 2019. – № 1. – С. 47-56.
26. Берестова Т.Ф. Информационное ресурсведение как новое научное направление: постановка проблемы // Научно-техническая информация. – Сер. 1. – 2015. – № 7. – С. 1-9.
27. Берестова Т.Ф. Информационные ресурсы и другие элементы ресурсоцентристской библиографоведческой парадигмы // Библиография и книговедение. – 2015. – № 6. – С. 46-55.
28. Берестова Т.Ф. Понятие «информационные ресурсы» и другие компоненты теории информационного ресурсведения // Научно-техническая информация. Сер. 1. – 2016. – № 4. – С. 1-6.
29. Берестова Т.Ф. Теоретическое информационное ресурсведение / Челябинский гос. ин-т культуры. Челябинск : ЧГИК, 2019. – 336 с.
30. Берестова Т.Ф. Понятие «информационный ресурс» имеет право на существование. (Размышления, вызванные статьёй Ю.Н. Столярова «Несостоятельность понятия «информационный ресурс»») // Науч. и техн. б-ки. – 2017. – № 7. – С. 75-87.
31. ISO 5127/1: 2001. *Information and documentation : vocabulary.* – Part 1. Basic concepts. – [Switzerland], 2001. – P. 10.
32. Соколов А.В. Удивительное рядом: Юбилейная новелла об интеллигенте-книжнике Ю.Н. Столярове // Юрий Николаевич Столяров. К 80-летию со дня рождения // Ассоциация школьных библиотек русского мира. – Москва : РШБА, 2018. – С. 5-20.
33. Виноградова Е.Б. Зачем книговедению документологическая линейка? // Науч. и техн. б-ки. – 2006. – № 2. – С. 82-86.

34. Бездрабко В. Історіографічні ескізи з документознавства, або Персональний текст про персональні тексти [Історіографіческие эскизы документоведения, или Персональный текст про персональные тексты]. – Київ : Четверта хвиля, 2010. – 206 с.
35. Кушнарченко Н.Н., Соляник А.А. К юбилею большого Учёного и любимого научного Шефа // Юрий Николаевич Столяров. К 80-летию со дня рождения // Ассоциация школьных библиотек русского мира. Москва : РШБА, 2018. – С. 45-49.
36. Кушнарченко Н.Н., Соляник А.А. Документология как фундаментальная наука: факт институционализации // Науч. и техн. б-ки. – 2014. – № 1. – С. 71-77.
37. Кушнарченко Н.Н., Соляник А.А. Неисчерпаемый источник документологического знания // Науч. и техн. б-ки. – 2018. – № 8. – С. 92-100.
38. Слободяник М.С. Документология: зміст, перспективи // Бібліотекознавство. Інформологія. – 2004. – № 4. – С. 4-9.
39. Лазарев В.С. Библиометрия, наукометрия и информетрия. Часть 1. Возникновение и предыстория // Управление наукой: теория и практика. – 2020. – Т. 2. – № 4. – С. 133–163. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.4.6.
40. Лазарев В.С. Расширение значения термина «документ» как фактор возможного переосмысления объектов библиометрии, наукометрии и информетрии. 1. К эволюции понятия «документ» // Наука и научная информация. – 2020. – № 3(2-3). – С.104-130. – URL: <https://doi.org/10.24108/2658-3143-2020-3-2-3-104-130>.
41. Столяров Ю.Н. Устный документ // Український журнал з бібліотекознавства та інформаційних наук. – 2018. – № 2. – С. 24–36.
42. Боброва Е.И. Менеджмент качества библиотечного и информационного обслуживания в библиотеке вуза : учеб.-метод. пособие. – Москва, 2013. – 89 с.
43. Сукиасян Э.Р. Как правильно называется наша специальность? // Науч. и техн. б-ки. – 2009. – № 4. – С. 46-49.
44. Сукиасян Э.Р. Название нашей специальности: продолжение дискуссии // Науч. и техн. б-ки. – 2016. – № 4. – С. 78-80.
45. Положение о библиотечно-информационном фонде Российской Федерации // Библиотековедение. – 2005. – № 3. – С. 25-34.
46. Столяров Ю.Н. Что же такое СИФ? // Формирование библиотечных фондов и организация каталогов на современном этапе : межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т культуры. – 1986. – Вып. 81. – С. 6-24; Эффект на «габровската котка» или неправомерно използване на понятието «СИФ» [Эффект габровской кошки, или неправомерное использование понятия «СИФ»] // Библиотека (София). – 1989. – № 10. – С. 40-42 и др.
47. Гриханов Ю.А., Сукиасян Э.Р. Проблемы фондов и каталогов на страницах межвузовского сборника // Сов. библиотечное ведение. – 1988. – № 3. – С. 74-75.
48. Гиляревский Р.С. Информационная сфера. Краткий энциклопедический словарь. – Санкт-Петербург: Изд-во Профессия, 2016. – 303 с.
49. Толстой Л.Н. Письмо философу Н. Н. Страхову, 5 сентября 1878 г. – URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1873-1879/letter-417.htm>.
50. Библиотечный фонд : словарь-справочник / сост. : Е.И. Ратникова, Н.З. Стародубова, Л.М. Толчинская ; науч. ред. Ю.Н. Столяров. – Москва : ИНФРА-М, 2016. – 158 с.
51. Столяров Ю.Н. Дума о библиотечном законе // Науч. и техн. б-ки. – 2001. – № 5. – С. 4-30.
52. Столяров Ю.Н. Библиотечное дело – XXI век : научно-практический сб. / Рос. гос. б-ка. – Москва, 2006. – С. 162-184.
53. Большая Российская энциклопедия. – Т. 3. Москва : Большая рос. энциклопедия, 2005. – С. 455.
54. Положение о государственной системе научно-технической информации. Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 24 июля 1997 года N 950 (с изменениями на 4 мая 2018 года). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/9046444>.

Матеріал поступил в редакцію 26. 02. 2021

Сведения об авторе

СТОЛЯРОВ Юрий Николаевич – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки, Государственной публичной научно-технической библиотеки России и Научного и издательского центра «Наука» РАН, Москва.
e-mail: yn100@narod.ru.